

и двухъ частей: экзегетической, посвященной послѣдовательному и подробному истолкованію даннаго отдѣла книги Дѣяній (стр. 13—308),—и систематической, содержащей общее обозрѣніе первохристіанской общины со стороны внутренняго настроенія и внѣшняго устройства—церкви, главныхъ лицъ (апостоловъ, пророковъ, другихъ харизматиковъ), богослуженія и іерархіи (стр. 309—454). Серьезная работа автора построена на изученіи какъ даннаго текста книги Дѣяній, такъ и общеисторическихъ источниковъ и пособій, составлена весьма основательно и изложена отчетливо. Общими недостатками сочиненія служатъ: отсутствіе органической связи между обѣими частями и отрывочность и слишкомъ большая общность, доходящая до поверхностности, въ изложеніи предметовъ второй части. Эту вторую часть автору лучше бы было разбить на отдѣльныя мелкія приложенія къ соответственнымъ мѣстамъ первой части. Но для ученой степени кандидата богословія трудъ автора вполне удовлетворителенъ“.

11) Заслуженнаго ординарнаго профессора П. И. Цвѣткова о сочиненіи студента *Качоровскаго Наркисса* на тему: „Христіанское пастырство по ученію Св. Апостола Павла“:

„Сочиненіе г. Качоровскаго, при небольшомъ объемѣ (всего 169 страницъ), заключаетъ все существенное по избранному предмету. Во введеніи (стр. 1—5) говорится о значеніи посланій Апостола для ученія о пастырствѣ. Въ первой главѣ (стр. 5—49) приводятся и объясняются тѣ мѣста изъ посланій Апостола и изъ Дѣяній Апостольскихъ, на которыхъ основывается ученіе о священствѣ, какъ таинствѣ. Во второй главѣ (стр. 49—91) говорится о задачѣ пастырства и разъясняется, что задача пастыря, по ученію Апостола Павла, есть душепопеченіе, простирающееся на всѣхъ пасомыхъ вообще и на каждаго вѣрующаго въ частности. Въ третьей главѣ (стр. 91—168) начертывается ученіе Апостола Павла о высотѣ пастырскаго служенія и о тѣхъ качествахъ, которыя долженъ имѣть пастырь. Авторъ, преимущественно, раскрываетъ съ положительной стороны мысли Апостола язычниковъ о пастырствѣ, но изрѣдка подвергаетъ разбору и неправильныя мнѣнія, выводимыя изъ писаній его. Все сказанное въ сочиненіи хорошо продумано и обстоятельно обосновано. Въ сочиненіи нѣтъ ненужныхъ длиннотъ и лишнихъ разъясненій. Заслуживаетъ вниманія полемика автора:

приводятся только немногіе, но убѣдительные аргументы. Изложеніе одушевленное, проникнутое религиознымъ убѣжденіемъ. Внутреннія достоинства сочиненія и безукоризненная вѣшняя отдѣлка производятъ самое пріятное впечатлѣніе“.

12) Ректора Академіи Епископа Евдокима о сочиненіи студента *священника Королева Михаила* на тему: „Преп. Максимъ Грекъ, какъ церковный публицистъ“:

„Преп. Максимъ Грекъ въ исторіи XVI вѣка занимаетъ исключительное мѣсто. Онъ оставилъ послѣ себя въ исторіи такой глубокой слѣдъ, что его не можетъ стереть со своихъ страницъ никакая волна пестрой, вѣчно мѣняющейся жизни и до дне сего.

Преп. Максима Грека всегда высоко цѣнили. Изъ многочисленныхъ, блестящихъ отзыовъ о немъ, какъ писателѣ и церковно-общественномъ дѣятелѣ, мученикѣ страдальцѣ, мы приведемъ хотя одно. Одинъ изъ старинныхъ нашихъ писателей о преп. Максимѣ Грекѣ пишетъ. „Что ми множественно о превысокихъ ученій предивнаго сего отца простирати слова? Все убо, елико васъ желателе божественныхъ писаній, лѣность всяку отложше, усердно тецете на пресладкій сей божественныхъ ученій изобильный источникъ и прежде распалившуюся жажду отъ ложныхъ еретическихъ ученій, почерплюще и піюще отъ сего сладкихъ ученій, погасите и елико же васъ алчущи не хлѣба тѣло укрѣпляюща, но душу въ горнія обители возводяща, со всяцѣмъ усердіемъ потщитесь къ сей божественнѣй трапезѣ прибѣгнути и напитатися изобильнѣе симъ ангельскимъ хлѣбомъ. Сію бо намъ представи трапезу второй многострадальный херувимъ. Кого же перваго глаголю?... Златоустаго Іоанна“ (стр. 13).

Между тѣмъ труды преп. Максима Грека до сихъ поръ почти не подвергались еще изученію съ гомилетической чисто точки зрѣнія (20 стр.).

Авторъ и поставилъ своей задачей изучить спеціально гомилетическій матеріалъ въ твореніяхъ преп. Максима Грека, рассмотреть публицистическую дѣятельность этого замѣчательнаго инока и по возможности оцѣнить ее.

Трудъ свой авторъ начинаетъ съ краткой біографіи преп. Максима Грека. Предъ нами проходитъ живая, интересная,

правдивая картина условий, среди которых росъ и воспитывался преп. Максимъ Грекъ. Сначала, предъ нами проходить исторія несчастной Греціи, потерявшей политическую независимость и свободу и падавшей все ниже и ниже подъ ударами судьбы. Потомъ, авторъ рисуетъ картину жизни Италіи съ ея общественными идеалами, бытомъ, научными теченіями, школьными направленіями, проповѣднической дѣятельностью суроваго обличителя немощей людскихъ Іеронима Саванароллы. Далѣе, предъ нами суровый Аѳонъ съ его книжными сокровищами, людьми высокаго подвига и непреклонныхъ убѣжденій, чистоты вѣры и жизни. Наконецъ, предъ нами наша родина съ ея тихошественною жизнью, полною почти первобытной невинности, въ культурномъ и научномъ отношеніи. Предъ нами длинный рядъ родныхъ намъ картинъ: нашихъ государственныхъ, церковно-общественныхъ, религіозныхъ и другихъ взаимно перекрещивающихся вліяній, дающихъ въ общемъ очень сложный и пестрый рисунокъ нашей тогдашней жизни.

Читая прекрасныя, полныя жизни и правды, страницы о Греціи, Италіи, Аѳонѣ, мы ясно видимъ, подъ какими вліяніями стоялъ преп. Максимъ Грекъ и какъ въ данномъ случаѣ должно было сложиться, и дѣйствительно сложилось, его міросозерцаніе, какими лучами оно должно было отразиться, преломиться во внѣ, сквозь призму его богатой души, и какими дѣйствительно оно отразилось. Культурный обликъ старой Руси даетъ намъ возможность и самимъ напередъ предугадать, какъ на общемъ черномъ фонѣ нашей жизни загоритъ звѣзда Максима, какъ она освѣтитъ своимъ яркимъ свѣтомъ почти все наше общество тогдашнее и какъ люди, непривыкшіе къ такому необычному свѣту, возстанутъ противъ него и будутъ его всячески гнать и преслѣдовать. Предъ нашими глазами все время живо проходитъ грандіозная, потрясающая драма борьбы свѣта со тьмою.

Изучая творенія Максима Грека, авторъ извлекаетъ на свѣтъ изъ этой богатѣйшей еще и до сихъ поръ сокровищницы много интереснѣйшихъ страницъ. Располагая свой матеріалъ не механически, а прагматически, въ строго продуманномъ порядкѣ, о. Михаилъ пытается дать намъ любопытнѣйшую, цѣлостную схему воззрѣній автора преп. Максима Грека, схему отвѣтовъ его почти на всѣ вопросы

нашей общественной, церковной жизни, государственной жизни. Кажется, не осталось ни одной стороны жизни, которой не коснулся бы нашъ „русскій Саванаролла“, преп. Максимъ Грекъ. Мы нисколько не преувеличимъ, если скажемъ, что многія изъ воззрѣній преп. Максима Грека, высказанныя имъ въ первой четверти XVI столѣтїя, не стали еще и до сихъ поръ достоянїемъ нашей церковно-общественной жизни, не смотря на необычное повышенїе пульса нашей жизни въ послѣднїе дни. Даже скажемъ больше того. Со сцены жизни сойдемъ не только мы, но сойдетъ и еще длинный рядъ поколѣній, а многія рѣчи преп. Максима Грека останутся по прежнему только рѣчами на бумагѣ, а не воплотятся въ жизнь.

Хорошее сочиненїе о. Михаила все же не безъ недостатковъ. Не долгъ только присяжнаго рецензента заставляетъ меня указать ихъ въ сочиненїи о. Михаила, а глубокая до боли скорбь, что они сдѣланы имъ. Скорблю безъ мѣры, что авторъ не исчерпалъ самой значительной части гомилетическаго матеріала въ творенїяхъ преп. Максима Грека. Онъ ввелъ читателя какъ бы только въ преддверїе этого матеріала, показалъ землю обѣтованную, далъ возможность немного заглянуть въ рай черезъ открытыя двери, наполнилъ душу восторгомъ, предощушенїемъ необыкновенныхъ, захватывающихъ душу картинъ, и на этомъ самомъ досадномъ мѣстѣ и оборвалъ свою рѣчь. А между тѣмъ исчерпать вполне публицистическїй матеріалъ, содержащїйся въ творенїяхъ преп. Максима Грека, и составляло главнѣйшую обязанность автора. Конечно, у автора найдется какое-либо извиненїе въ данномъ случаѣ. Но какъ бы ни былъ правдивъ его отвѣтъ, все же онъ не заполнить собою тѣхъ интереснѣйшихъ и животрепещущихъ страницъ, какія должны были бы быть въ его сочиненїи и какихъ мы теперь въ немъ не находимъ.

Можно было бы указать въ сочиненїи о. Михаила просмотры источниковъ и пособїй, нѣкоторые недочеты въ распредѣленїи матеріала, различныя стилистическїя шероховатости и т. д. Но мы считаемъ дѣлать это излишнимъ.

Главный основной тонъ работы авторомъ взятъ совершенно правильно.

Автора труда о преп. Максимѣ Грекѣ, какъ церковномъ

публицистѣ, признаю достойнымъ степени кандидата богословія“.

13) Заслуженнаго ординарнаго профессора А. Д. Бѣляева о сочиненіи студента *Краско Николая* на тему: „Сравнительный обзоръ догматическаго ученія Святаго Димитрія Ростовскаго и Стефана Яворскаго“:

„Раскрывши во введеніи (1—49 стр.) положеніе, что литература есть отзвукъ жизни и что, въ частности, многія догматическія сочиненія въ Россіи въ началѣ XVIII вѣка были вызваны на свѣтъ необходимостію для православныхъ богослововъ бороться частію противъ лютеранъ и кальвинистовъ, умножившихся и имѣвшихъ силу въ Россіи при Петрѣ Великомъ, частію противъ раскольниковъ, г. Краско въ концѣ введенія намѣчаетъ двѣ задачи своего труда: во-первыхъ, объективно сравнить богословіе Св. Димитрія Ростовскаго съ богословіемъ Стефана Яворскаго, принявши за основаніе для сравненія „Камень вѣры“, какъ главное догматическое сочиненіе втораго изъ этихъ богослововъ; во вторыхъ, дать сравнительную оцѣнку догматическаго ученія Св. Димитрія Ростовскаго и Стефана Яворскаго. Выполненію первой задачи посвящена первая, большая, часть сочиненія (50—231 стр.); вторая задача раскрыта во второй части (232—311 стр.).—Первая часть распадается на тринадцать главъ: 1) о святыхъ иконахъ; 2) о крестѣ; 3) о мощахъ; 4) о святѣйшей евхаристіи; 5) о призваніи святыхъ; 6) о душахъ святыхъ; 7) о благодвореніи преставльшимся; 8) о преданіяхъ; 9) о святѣйшей литургіи; 10) о святыхъ постахъ; 11) о благихъ дѣлахъ; 12) о наказаніи еретиковъ; 13) объ антихристѣ. Всѣ эти предметы раскрыты въ „Камень вѣры“, кромѣ ученія объ антихристѣ, изложеннаго въ особомъ сочиненіи Стефана Яворскаго. О каждомъ изъ этихъ предметовъ изложены основныя мысли и доказательства мыслей, а также опроверженія не согласнаго съ ними инославнаго и раскольническаго ученія, изъ „Камня вѣры“ Стефана Яворскаго и изъ „Розыска“, какъ главнаго догматико-полемическаго сочиненія Св. Димитрія Ростовскаго,—изложены обстоятельно и документально.

Въ первой главѣ второй части г. Краско оцѣниваетъ богословіе Св. Димитрія Ростовскаго и Стефана Яворскаго по содержанію, а во второй главѣ по изложенію. Общій выводъ его тотъ, что какъ по содержанію, такъ и по формѣ сочи-

ненія обоихъ нашихъ богослововъ были написаны подъ вліяніемъ римско-католическаго богословія. Но степень зависимости того и другаго отъ этого богословія не одинакова. „Камень вѣры“ есть подражаніе сочиненіямъ Беллярмина и Бекана, съ значительными заимствованіями изъ ихъ сочиненій; а въ сочиненіи объ антихристѣ замѣтно вліяніе испанскаго богослова Малвенды, написавшаго обширное сочиненіе объ антихристѣ. Въ сочиненіяхъ Св. Димитрія Ростовскаго самостоятельности несравненно больше, нежели въ сочиненіяхъ Стефана Яворскаго. Отмѣчаетъ г. Краско и то, что Св. Димитрій Ростовскій въ своей полемикѣ противъ ученія объ антихристѣ раскольниковъ пользовался сочиненіемъ Яворскаго объ антихристѣ (оно было напечатано въ 1703 г.); но, съ другой стороны, Яворскій въ „Камень вѣры“, появившійся, какъ полагають, въ 1713 г., внесъ заимствованія, иногда и буквальныя, изъ „Розыска“ Ростовскаго святителя, который вышелъ въ свѣтъ въ 1709 г. Впрочемъ вопроса о зависимости сочиненій Св. Димитрія Ростовскаго и Стефана Яворскаго отъ сочиненій отечественныхъ и иноземныхъ богослововъ г. Краско коснулся вскользь. Относительно „Камня вѣры“ этотъ вопросъ разработанъ широко и обстоятельно въ магистерскомъ сочиненіи Морева, и достаточно было только сослаться на это сочиненіе, что г. Краско и дѣлаетъ. Но въ какой мѣрѣ Св. Димитрій Ростовскій самостоятеленъ въ своихъ сочиненіяхъ и въ частности въ „Розыскѣ“, а также каковы характеръ и размѣры зависимости сочиненія Стефана Яворскаго объ антихристѣ отъ книги Малвенды о томъ же предметѣ, этого г. Краско не изслѣдовалъ нарочито. Отмѣтилъ г. Краско и другія черты богословія святителей, принадлежащія имъ обоимъ, или свойственныя одному изъ нихъ. Сравнительная оцѣнка ихъ богословія, однако, не получила подъ его перомъ достаточной яркости. Для оцѣнки богословія святителей съ формальной стороны ему слѣдовало бы примѣнить слѣдующій приѣмъ. Такъ какъ всѣ 12 трактатовъ „Камня вѣры“, по своему построенію, способу аргументаціи и вообще во всѣхъ отношеніяхъ, похожи другъ на друга почти какъ двѣ капли воды, то слѣдовало, взявши какой-либо одинъ трактатъ, сдѣлать оцѣнку его во всѣхъ подробностяхъ, поясняя положенія примѣрами. Тогда получилась бы характеристика

„Камня вѣры“ съ формальной, а отчасти и съ матеріальной стороны, реальная, наглядная, осязательная. Затѣмъ нужно было съ достаточною подробностію указать особенности богословія Св. Димитрія Ростовскаго. Тогда для читателя было бы ясно, чѣмъ и какъ отличается богословіе одного святителя отъ другаго. Тогда обнаружилось бы, что богословіе Св. Димитрія Ростовскаго отличается отъ богословія Стефана Яворскаго больше, нежели какъ показано въ сочиненіи г. Краско.

Въ сочиненіи г. Краско есть неточности. Такъ, на 47 стр. онъ признаетъ „Камень вѣры“ трудомъ исключительно догматическимъ, въ которомъ нѣтъ ничего относящагося къ обрядовой сторонѣ. А ученіе о постахъ? Не важно, что самъ Яворскій назвалъ это ученіе догматомъ. Во всякомъ случаѣ „Камень вѣры“ есть сочиненіе догматико-полемическое, а не чисто догматическое. На 229 стр. на основаніи Словаря Митрополита Евгенія о сочиненіи Яворскаго объ антихристѣ сказано, что оно составлено по сочиненіямъ Малвенды. Но Малвенда написалъ одно сочиненіе: „De Antichristo“.

Вообще же сочиненіе г. Краско обработано хорошо и вполне закончено, изложено просто и ясно, языкомъ сжатымъ. Авторъ его достоинъ степени кандидата“.

14) И. д. доцента Е. А. Воронцова о сочиненіи студента *Крутикова Андрея* на тему: „Еврейская школа (педагогическія воззрѣнія древнихъ евреевъ)“:

„Рецензентъ настоящей работы недавно читалъ въ одномъ изъ поданныхъ ему семестровыхъ сочиненій недоумѣнный вопросъ его автора: возможно ли сказать что-либо новаго изъ области древне-еврейскаго школьнаго дѣла? Г. Крутиковъ на 84 стр. своей работы правильно замѣчаетъ: natura hominis novitatis avida est. Трудъ г. Крутикова, подлежащій нашему разсмотрѣнію, утвердительно отвѣчаетъ на вышеприведенный вопросъ: онъ несомнѣнно даетъ нѣчто новое, а старое приводитъ лишь отчасти и во всякомъ случаѣ въ новой оригинальной группировкѣ элементовъ. Сообщая свои замѣчанія на трудъ г. Крутикова, рецензентъ не считаетъ ихъ исчерпывающими свойства его работы и въ этомъ случаѣ апеллируетъ къ собственному наблюденію автора, формулированному на стр. 124: умственный трудъ не поддается точной оцѣнкѣ. Все сочиненіе о древне-еврейской школѣ

распадается на 2 части: бóльшую, трактующую о дисциплинахъ, изучавшихся въ древне-еврейской школѣ,—Писаніи, мидрашѣ и мишнѣ (особенно детально анализируется мишна трактата Халла), и меньшую, занимающуюся изложеніемъ метода обученія. Первая часть богаче эрудиціею, возможно и потому, что здѣсь не требовалось побочныхъ познаній виѣ сферы археологіи въ тѣсномъ смыслѣ слова. Пособіями для автора служили мишна и тосефта и нѣкоторыя нѣмецкія монографіи. Рецензентъ особенно привѣтствуетъ выступленіе г. Крутикова самостоятельнымъ изслѣдователемъ по тексту мишны (хотя и въ переводѣ на русскій языкъ). Для выясненія крупныхъ достоинствъ работы г. Крутикова достаточно указать, что онъ буквально по крупницамъ собралъ нужный для него матеріалъ, обнаруживъ выдающіяся способности коллектора научныхъ данныхъ и тонкаго аналитика.

Признавая вполне возможнымъ появленіе работы г. Крутикова въ печати, рецензентъ считаетъ нужнымъ отмѣтить ея частные недочеты, требующіе исправленія: 1) Нужно дифференцировать понятіе тора, каковое у г. Крутикова считается идентичнымъ съ понятіемъ Пятокнижія (по библейскому словоупотребленію тора просто ученіе, морэ-учитель). Тетратомическое раздѣленіе институтовъ въ Пятокнижіи не совпадаетъ съ номенклатурою раввиновъ, различавшихъ законы только 3 видовъ (трихотомія): хуккотъ, мицвотъ, мишпатимъ (у христіанскихъ писателей *judicialia, ceremonialia, moralia*). 2) Таргумъ неправильно считается вербальнымъ переводомъ еврейскаго текста Библии, между тѣмъ онъ продуктъ экзегесиса, перифраза текста съ обширными по мѣстамъ глоссами (особенно въ фрагментарномъ таргумѣ Іерушальми и у Псевдоіонаана), сильно интерполированная элементами мидраша (аггадою). 3) Авторъ мало останавливается на вопросѣ, почему чтеніе торы уподобляется жертвѣ; здѣсь возможенъ экскурсъ въ область эволюціи древне-еврейскаго культа, измѣнившагося послѣ паденія храма изъ культа кровавыхъ жертвъ въ культъ лирико-дидактическаго типа (чтенія Писанія и молитвъ). 4) Авторъ считаетъ невозможнымъ актъ вхожденія чаши съ жертвенною кровію (жертва хаттатъ) во святилище (гехаль),—напомнимъ ему обрядность для очищенія. 5) При рѣчи о вліяніи языческой

культуры на іудейство нужно различать матеріальную культуру отъ духовной; евреи также воспринимали греческія и латинскія слова, какъ мы нѣмецкія (вагонъ—Wagen, кучеръ—Kutscher и т. п.) внѣ какой бы то ни было германофилии. 6) Въ области внѣшнихъ свѣдѣній раввиновъ (не торальныхъ) авторъ упоминаетъ о математическихъ и астрономическихъ познаніяхъ, но считаетъ ихъ незначительными, однако Самуиль Младшій говорилъ, что знаетъ небесные пути (т. е. орбиты), какъ улицы въ Негардеѣ (допускаю охотно здѣсь самовозвеличеніе), трактаты Kilaim и Eruvia содержатъ геометрическіе элементы, а трактатъ Холинъ даже зоологическую дисциплину—орнитологію. Вообще положеніе экзотерическихъ наукъ въ талмудѣ трудно опредѣлимо, и всякіе выводы здѣсь преждевременны. 7) При рѣчи объ учителяхъ элементарной еврейской школы авторъ недостаточно выяснилъ, кто хазанъ и соферъ. Думаю, что хазанъ не профессиональный учитель, а синагогальный смотритель (въ новомъ завѣтѣ *ἐπιφύλακτος* (Луки 4, 20), исполнявшій обязанности наставника для дѣтей при отсутствіи настоящаго раввина, а соферъ—каллиграфъ—учитель письма-чистописанія. Другихъ важныхъ недоточетовъ нѣтъ, перечисленіе же достоинствъ работы повлекло бы длительную передачу ея разнообразнаго содержанія.

Въ заключеніе долженъ отозваться съ особою похвалою о методѣ изложенія въ сочиненіи г. Крутикова: онъ даетъ *non multa, sed multum*, умѣетъ выбирать яркіе примѣры (напримѣръ при выясненіи метода толкованія мѣсто Бытія объ „игрѣ“ Измаила и мѣсто мишны о составленіи т. н. гета), мастерски иллюстрируетъ свои тезисы фактами, только немногія объемистыя подсрочныя примѣчанія могли бы быть опущены безъ ущерба для научнаго достоинства сочиненія, являясь отчасти плодомъ настроенія. Степени кандидата богословія авторъ вполне заслуживаетъ“.

15) Заслуженнаго ординарнаго профессора П. И. Цвѣткова о сочиненіи студента *Лебедева Алексыя* на тему: „Обзоръ русской педагогической литературы за послѣднее полу столѣтіе 19 вѣка“:

„Интересная въ высшей степени тема названнаго сочиненія обработана весьма обстоятельно. Охарактеризовавъ въ двухъ первыхъ главахъ первой части, служащихъ какъ бы введе-

ніемъ, воспитаніе и образованіе на Руси до 19 вѣка и разъяснивъ значеніе годовъ, предшествовавшихъ освобожденію крестьянъ, въ исторіи русской педагогики, авторъ начертываетъ картину движенія педагогической литературы въ нашемъ отечествѣ въ послѣднія десятилѣтія 19 вѣка. Предъ читателемъ проходятъ съ своими педагогическими работами Пироговъ, Ушинскій, баронъ Корфъ, Стоюнинъ, Рачинскій и другіе дѣятели и работники въ области русской педагогики. Авторъ не соблазнился сравнительной легкостью, какую представляетъ хронологическое обзорѣніе сочиненій, но систематизироваль собранный матеріаль, расположивъ его по слѣдующимъ рубрикамъ: „Русская педагогія, какъ наука; ея главные представители. Научныя основы воспитанія, его возможность, необходимость и предѣльныя границы“ (гл. 3 первой части); „Національность въ русскомъ воспитаніи и главные представители этого направленія; его хорошая и дурная стороны“ (гл. 4 первой части); „Индивидуализація, какъ основа воспитанія. Понятіе индивидуальности. Крайности этого направленія въ нашей педагогикѣ“—свободное воспитаніе“ (гл. 1 второй части); Умственное воспитаніе; его сущность и значеніе въ воспитательномъ процессѣ. Два направленія по вопросу объ отношеніи образованія къ нравственному воспитанію“ (гл. 2 второй части); „Вопросъ о религіозно-нравственномъ воспитаніи въ русской педагогической литературѣ. Гуманность на основѣ христіанской любви, какъ главный принципъ воспитательныхъ отношеній. Наказанія и ихъ смыслъ“ (гл. 3 второй части); „Эстетическое воспитаніе; его отношеніе къ нравственному. Средства эстетическаго воспитанія“ (гл. 4 второй части). Источники и пособія у автора, по самому свойству темы, были исключительно русскіе. Но русскихъ книгъ ему нужно было прочесть очень значительное количество. И что они, дѣйствительно, были имъ прочитаны, свидѣтельствуеетъ твердость, съ которою сдѣланы имъ анализы всѣхъ выдающихся произведеній русской педагогической литературы. Помимо анализовъ, авторъ не однажды даетъ оцѣнку излагаемыхъ имъ педагогическихъ воззрѣній, проявляя сочувствіе или несочувствіе къ нимъ. Сужденія автора правильны и хорошо обоснованы. Изложеніе въ его сочиненіи одушевленное. Видимо, вопросы воспитанія близки его сердцу. Очень жела-

тельно, чтобы г. Лебедевъ не оставлялъ занятій по педагогикѣ. Онъ можетъ въ этой области знанія сдѣлать не мало добраго и полезнаго, благодаря сердечному отношенію къ вопросамъ воспитанія и тонкому пониманію его задачъ“.

16) Экстраординарнаго профессора Н. Г. Городенскаго о сочиненіи студента *Лебедева Виктора* на тему: „Идеалы жизни по современной нѣмецкой беллетристикѣ“:

„Сочиненіе г. Лебедева написано по ясному и опредѣленному плану. Авторъ находитъ въ современной нѣмецкой беллетристикѣ два теченія—индивидуалистическое и социалистическое. Первое стремится освободить личность отъ оковъ и стѣсненій традиціоннаго общественнаго уклада и указываетъ высшую цѣль существованія въ развитіи индивидуальной мощи, въ творческомъ самораскрытіи сильной личности; второе хочетъ устранить неравенства въ распредѣленіи жизненныхъ благъ, протекающія изъ ненормальнаго устройства современнаго общества, и такимъ образомъ обезпечить всѣмъ возможность максимумъ счастья. Авторъ находитъ, что въ конечномъ выводѣ эти идеалы не исключаютъ другъ друга, такъ какъ съ одной стороны, индивидуальная сила въ своемъ творческомъ самораскрытіи изливаетъ свои блага на окружающую среду, стимулируя въ ней такой же процессъ разцвѣта индивидуальностей, съ другой,—эти блага индивидуальнаго развитія могутъ сдѣлаться достояніемъ всѣхъ лишь тогда, когда массы будутъ выведены изъ тепершняго состоянія матеріальной и духовной порабощенности. Сопоставляя затѣмъ только что изложенныя идеи съ христіанствомъ, г. Лебедевъ находитъ, что какъ бы онѣ ни представлялись далекими отъ христіанскаго ученія по формѣ своего раскрытія у современныхъ писателей, въ своей основѣ онѣ вполнѣ согласны съ существомъ ученія Христа.

Сочиненіе г. Лебедева представляетъ собою очень хорошую студенческую работу. Авторъ изучилъ наиболѣе выдающіяся произведенія современной нѣмецкой беллетристики и сумѣлъ отмѣтить въ нихъ тѣ стороны, которыя характерны именно для современной эпохи. Жаль только, что вышеуказанная схема сочиненія г. Лебедева не столько вытекаетъ у него естественнымъ образомъ изъ его знакомства съ современной нѣмецкой беллетристикой, сколько составляетъ результатъ изученія философіи Ницше и социалистической теоріи. Правда,

что влияніемъ именно этихъ ученій объясняются указанная авторомъ отличительныя черты современной нѣмецкой беллетристики, но послѣдняя отражаетъ философскія и социальныя идеи въ измѣненномъ и преломленномъ видѣ. Это обстоятельство совершенно ускользаетъ отъ вниманія г. Лебедева. Послѣдствіемъ заимствованія схемы отънѣ явилась ея недостаточная гибкость и эластичность. Писатели совершенно разнородные, какъ напр., Гауптманъ и Шницлеръ, попадаютъ у автора подъ одну и ту же рубрику, и мы не видимъ ни малѣйшаго намека на ихъ индивидуальныя отличія. Это главный недостатокъ сочиненія г. Лебедева. Нужно прибавить еще, что изученіе самой нѣмецкой беллетристики даже при томъ ограниченномъ времени, какое находилось въ распоряженіи автора, могло бы быть значительно шире. Все это однако не мѣшаетъ признать работу г. Лебедева болѣе, чѣмъ удовлетворительною для полученія степени кандидата“.

17) И. д. доцента И. М. Громогласова о сочиненіи студента *Лепехина Павла* на тему: „Розыскъ“ св. Димитрія Ростовскаго, какъ памятникъ противораскольнической полемики“:

„Съ водвореніемъ, хотя и далеко еще не полнымъ, началъ вѣротерпимости въ нашемъ законодательствѣ устная и литературная полемика съ религіозными заблужденіями приобрѣтаетъ значеніе единственной мѣры борьбы съ такъ называемымъ старообрядческимъ расколомъ. Это обстоятельство, по справедливому замѣчанію автора разсматриваемаго сочиненія, „для лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу борьбы съ раскольническимъ лжеученіемъ, естественно выдвигаетъ на сцену вопросъ объ историческомъ ходѣ и развитіи противораскольнической полемики вообще, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ частности, и такое или иное знакомство съ отдѣльными трудами въ этой области, заслуживающими особеннаго вниманія“. Историко-критическому разсмотрѣнію одного изъ замѣчательнѣйшихъ трудовъ этого рода, принадлежащихъ XVIII столѣтію, и посвящено находящееся передъ нами изслѣдованіе г. Лепехина.

Изслѣдованіе состоитъ изъ небольшого введенія (стр. 1—7) и двухъ частей. Въ первой изъ нихъ „исторической“ (стр. 8—89), раздѣленной на 5 главъ, послѣ краткаго очерка причинъ и условій, способствовавшихъ появленію и распространенію раскола въ предѣлахъ ростовской епархіи, излагаются

необходимыя свѣдѣнія объ авторѣ „Розыска“, участіи его въ борьбѣ съ мѣстнымъ расколомъ и самой книгѣ, составляющей плодъ этого участія (ея заглавіи, первоначальныхъ читателей, для которыхъ она предназначалась, источникахъ и пособіяхъ, какими пользовался составитель, сохранившихся до нашего времени старшихъ рукописныхъ экземплярахъ, печатныхъ изданійхъ и т. п.). Вторая часть изслѣдованія— „критическая“ (стр. 90—198)—состоитъ также изъ 5 главъ. Здѣсь, послѣ краткаго обзорѣнія болѣе раннихъ полемическихъ трудовъ (главнымъ образомъ „Жезла“ и „Увѣта“), данъ сжатый очеркъ содержанія „Розыска“ и оцѣнка его, какъ памятника противораскольнической полемики, указаны главнѣйшія черты сходства и различія этого памятника съ другими, вышеназванными, отношеніе раскольниковъ къ „Розыску“ и вліяніе его на послѣдующую полемическую литературу противъ раскола.

Уже изъ этого сообщенія о составѣ разсматриваемаго изслѣдованія можно видѣть, что авторъ съумѣлъ дать вполне правильную постановку своей работѣ и исчерпать свой предметъ съ достаточной широтой и полнотой. И дѣйствительно, въ сочиненіи нельзя указать ни одного сколько-нибудь значительнаго пробѣла ни въ кругу затронутыхъ вопросовъ, ни въ составѣ матеріаловъ, привлеченныхъ къ ихъ выясненію. При такихъ качествахъ работы небольшой объемъ ея производитъ особенно пріятное впечатлѣніе. Въ студенческихъ сочиненіяхъ рѣдко встрѣтишь такое умѣнье взять изъ своихъ источниковъ и пособій только нужное, прямо относящееся къ темѣ, и ничего излишняго. Сжатость и точность изложенія еще болѣе заставляютъ оцѣнить способность автора къ учено-литературной работѣ. Какихъ-нибудь частныхъ, бросающихся въ глаза, недосмотровъ и промаховъ нѣтъ въ произведеніи г. Лепехина, если не считать странной обмолвки на стр. 89, будто появленіе перваго печатнаго изданія „Розыска“ (М. 1745) стоитъ въ связи съ заботами Министерства Внутреннихъ Дѣлъ объ изысканіи мѣръ борьбы съ расколомъ. Въ стилистическомъ отношеніи сочиненіе почти безупречно. Признаю его очень хорошей кандидатской диссертацией“.

18) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. О. Ключевского о сочиненіи студента *Микова Александра* на тему: „Уча-

стіе духовенства въ управленіи Московскаго государства XV—XVI в.в.“:

„Авторъ ограничилъ свою задачу участіемъ духовенства въ областномъ управленіи, не имѣвъ времени заняться центральнымъ. Онъ основательно воспользовался главными сочиненіями по его предмету, ознакомился и со значительнымъ количествомъ документовъ и собранный матеріалъ расположилъ по обдуманной программѣ. Изложеніе отличается точностью и простотой. Желательно было бы 1) болѣе обстоятельное изображеніе общаго государственнаго управленія, насколько это требовалось задачей сочиненія, и 2) выясненіе основъ участія духовенства въ управленіи и тѣхъ интересовъ, какіе сословіе вносило въ управленіе своимъ участіемъ. Вообще авторъ слишкомъ сдержанно высказываетъ свои выводы и соображенія. Впрочемъ эти недостатки не мѣшаютъ признать его трудъ очень удовлетворительнымъ“.

19) Ректора Академіи Епископа Едокима о сочиненіи студента священника *Опоцкаго Николая* на тему: „Образъ Господа Иисуса Христа, какъ Учителя“:

„Въ наши дни жгучихъ исканій живой, искренней, совершенно христіанской проповѣди безъ малѣйшаго даже уклона въ сторону различныхъ иныхъ ученій, раздающихся повсюду и повседневно теперь съ многообразныхъ трибунъ, многіе болѣе искренніе пастыри пытаются найти секретъ неотразаимаго вліянія на людей и возвратить себѣ утраченное положеніе. Въ эпоху раннѣйшихъ церковно-реформаціонныхъ движеній въ погонѣ за утраченнымъ идеаломъ взоры писателей обращались къ первохристіанскимъ временамъ и тамъ искали разрѣшенія своихъ недоумѣній. Нынѣ естественно, кажется, болѣе чѣмъ когда-либо современнымъ пастырямъ искать эти утраченные идеалы въ глубинѣ давно минувшихъ временъ. Авторъ названнаго сочиненія, какъ пастырь, уже не мало потрудившійся въ дѣлѣ спасенія душъ чловѣческихъ, рѣшилъ все свое вниманіе сосредоточить на нашемъ первомъ необычайномъ небесномъ Учителѣ—Христвъ Спасителѣ и отсюда почерпнуть матеріалъ объ учительствѣ, такъ нужно и необходимомъ въ наши смутные дни.“

Авторъ понялъ задачу своего труда не механически, не исторически, не археологически, не внѣшне научно, а внутренне глубоко психологически, философски, мистически и

жизненно-практически. Свой трудъ онъ готовилъ не какъ неизбѣжную и печальную необходимость, а какъ такой трудъ, который прежде всего для самого автора, для его изстрадавшейся души дастъ полное удовлетвореніе и разрѣшеніе мучившихъ его вопросовъ. Отсюда во всемъ трудѣ, отъ начала до конца его, сильной живой струей течетъ глубокое чувство любви къ Христу Спасителю, какъ Небесному Учителю, и невольно заражаетъ своей силой читателя.

Сочиненіе о. Николая очень оригинально по замыслу. Оно не подходитъ подъ мѣрку обычныхъ сочиненій на подобную тему. Сочиненіе не занимается всевозможными историко-археологическими вопросами этой области, какъ-то: наименованіе проповѣди Спасителя, формы рѣчей и бесѣдъ Господа, языкъ и пр. Оставляя внѣшнюю сторону вопроса, авторъ все свое вниманіе хочетъ сосредоточить исключительно на внутренней. И здѣсь онъ всюду старательно избѣгаетъ всѣхъ схоластическихъ тонкостей даннаго вопроса. Онъ слѣдитъ только за тѣмъ, что въ проповѣди является самымъ главнымъ и, исходя отсюда, дѣлаетъ весьма цѣнные выводы для современныхъ пастырей.

Авторъ ставитъ и современнаго пастыря, и современнаго пасомаго предъ Христомъ Спасителемъ, какъ бы Онъ сейчасъ еще видимо жилъ на землѣ, ходилъ по градамъ и весямъ, уча и благотворя. Онъ останавливается предъ каждымъ почти моментомъ земной жизни Спасителя и заставляетъ пережить читателя всѣ эти моменты не въ исторической только перспективѣ, не какъ только безразличный фактъ, научно обслѣдуемый, а непосредственно, своимъ собственнымъ сознаніемъ, всѣми силами своей души, пережить ихъ реально, понять, принять или отвергнуть. Вездѣ и всюду онъ пытается раскрыть психологію вѣры, посвятить въ самые сокровенные тайники души человѣческой, наглядно указать, какъ зарождается въ насъ глубокая вѣра и всѣ святыя мысли, чувства, рѣшенія, какъ небо объединяется съ землей. Его анализъ иногда приводитъ читателя въ самую глубь мистики человѣческой жизни съ ея стихійнымъ наклоненіемъ въ сторону Христа и антихриста.

Предъ читателемъ проходитъ сложная схема педагогики спасенія. Оригинальная постановка вопроса, отмѣчаемая нами, такъ поражаетъ и увлекаетъ автора, что онъ дѣлаетъ по-

пытку сдѣлать чисто жизненно - практическое приложеніе своихъ думъ и гаданій. Кругъ своихъ идей онъ реализуетъ въ особый жизненно - практическій уставъ христіанскихъ братствъ (трудовыхъ, напримѣръ) „вселенское братство Христова“, „братство вѣры и любви“ (315 — 316), „организацию жизни во Христѣ“. Онъ хочетъ, чтобы у насъ было не книжное или бумажное христіанство, сохраняющееся только въ книгахъ въ многоцѣнныхъ окладахъ, не въ бібліотекахъ только, а прежде всего и главнѣе всего въ душахъ самихъ христіанъ. Пусть христіанство станетъ жизнью и дыханіемъ всякаго христіанина. Пусть каждый поступаетъ всегда во всякомъ случаѣ такъ же, какъ поступилъ бы Самъ Христосъ, если бы Онъ былъ въ это время на нашемъ мѣстѣ. Нужна мудрая организациа добра, чего мы не имѣемъ въ настоящее время, какъ есть организациа зла, такъ мастерски разработанная и проводимая въ жизнь. Тогда мы будемъ перекидываться съ своими противниками не словами, а жизненно-практическими укладами. Проповѣдь онъ понимаетъ „не какъ область реторики, но какъ область аскетики“, реальной правды, а не словесной. Тогда вѣрнѣе и обезпеченнѣе будетъ наша побѣда. Ибо такъ было въ самомъ началѣ исторіи. Такъ должно быть и теперь.

Въ качествѣ недостатковъ въ сочиненіи автора нужно отмѣтить слѣдующіе. Авторъ слишкомъ строгъ по отношенію къ произведеніямъ научнаго характера. Подобныя сочиненія будто бы обречены „лишь на украшеніе многотомныхъ книгохранилищъ“, остаются „безъ читателей“. Обширнѣйшая богословская литература для автора часто лишь только „благоглупость“ (120). Съ рѣшительностію, достойною болѣе хорошаго примѣненія, авторъ заявляетъ, что онъ „нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ и другихъ сочиненій не признаетъ“ (9 и др). Такимъ образомъ съ точки зрѣнія автора почти всѣ ученые наши богословы, выдающіеся талантливѣйшіе писатели представляютъ собою какое-то болѣзненное ненормальное явленіе и занимаются какъ будто бы толченіемъ воды въ ступѣ. Полемизировать съ авторомъ въ данномъ случаѣ считаю излишнимъ.

Отсутствіе научныхъ пособій и неудачное использование нѣкоторыхъ изъ нихъ отразилось на сочиненіи автора худо. Сокровищница знаній, которая приобрѣтало съ неимовѣрными

мученическими усилиями человечество, дала бы автору очень много весьма цѣннаго матеріала и въ направленіи раскрытія даже его собственныхъ мыслей.

Нерѣдко авторъ переступаетъ границы своей спеціальной работы и уходитъ въ область чисто или философіи Евангельской исторіи, или просто Евангельской исторіи повѣствовательнаго характера.

Встрѣчаются въ сочиненіи совершенно невѣрные сужденія (63, 66, 307, 309, 312 и др.).

Не мало встрѣчается въ сочиненіи общихъ мѣствъ, весьма убійственно дѣйствующихъ на читателя. Не всюду правильна терминологія (47 и др.), хромаетъ по мѣстамъ и стиль.

Желаю отъ души автору въ своей жизни осуществить свой планъ „служенія слова“. Степени кандидата богословія признаю достойнымъ“.

20) И. д. доцента С. И. Смирнова о сочиненіи студента *Парнасскаго Василя* на тему: „Судьба соборности въ древней русской церкви“:

„Содержаніе сочиненія слѣдующее. Положеніе начала соборности въ восточной церкви ко времени возникновенія русской церкви (во введеніи). Первоначальныя условія развитія соборности въ древне-русской церкви. Соборы для избранія митрополитовъ. Участіе русскихъ епископовъ на соборахъ при константинопольскомъ патріархѣ. Соборы, созывавшіеся кievскимъ митрополитомъ. Судьба соборности въ епархіальномъ управленіи. Соборность въ приходскомъ управленіи. Соборы низшаго духовенства въ московской Руси. Соборы, созывавшіеся московскими митрополитами. Время митрополита Макарія. Освященный соборъ при патріархѣ.

Сочиненіе представляетъ въ общемъ добросовѣстную работу, дающую удовлетворительный отвѣтъ на поставленный вопросъ. Авторъ разсматриваетъ судьбу соборнаго начала въ строѣ древне-русской церкви въ связи съ исторіей отношенія нашей церкви сначала къ константинопольскому патріарху и русскому государству, затѣмъ только къ этому послѣднему. Нельзя сказать, чтобы всѣ выводы автора были безспорны (напр. роль епархіальныхъ соборовъ умалена), чтобы всѣ отдѣлы были обстоятельны (о соборахъ при м. Макаріи слѣдовало говорить гораздо подробнѣе); нельзя сказать, чтобы авторъ вездѣ относился съ одинаковою внима-

тельностью къ даннымъ источниковъ, касающимся его вопроса: порою онъ опускаетъ важное и приводитъ второстепенное, а иногда и не имѣющее прямого отношенія къ его темѣ: напр. о совѣщаніяхъ кн. Владиміра съ епископами, о присутствіи послѣднихъ на праздничныхъ трапезахъ князя. Для иныхъ отдѣловъ, напр. для перваго—о судьбѣ соборности въ восточной церкви—можно было бы рекомендовать автору болѣе свѣжую литературу, чѣмъ какой онъ пользовался, тѣмъ болѣе, что она подъ рукой,—въ современныхъ духовныхъ журналахъ и газетахъ. Не вездѣ авторъ проверяетъ показанія, взятыхъ изъ вторыхъ рукъ, а иногда изъ устарѣвшихъ пособій (исторій Татищева, Платона, Филарета), случается, приводитъ безъ оговорки спорныя въ наукѣ мнѣнія (напр. о еретичествѣ митр. Зосимы). Но это детали. Въ общемъ же сочиненіе г. Парнаскаго даетъ отчетливую и вѣрную картину слабой степени развитія соборнаго начала въ древне-русской церкви“.

21) Заслуженнаго ординарнаго профессора П. И. Цвѣткова о сочиненіи студента *Перехвальскаго Сергѣя* на тему: „Выборное начало въ примѣненіи къ духовенству древне-восточной и русской Церкви“:

„Сочиненіе г. Перехвальскаго состоитъ изъ введенія и двухъ главъ. Во введеніи (стр. 1—80) указывается на трудность рѣшенія избраннаго предмета вслѣдствіе того, что приходится разсматривать исторію выборнаго начала въ періодъ, по меньшей мѣрѣ, осьми вѣковъ, начиная съ Апостольскаго времени до раздѣленія церквей и затѣмъ въ русской Церкви, и вслѣдствіе того, что вопросъ о выборномъ началѣ соприкасается и съ каноническимъ правомъ, и съ догматикой, и съ гражданскимъ правомъ, и съ исторіей вообще. Въ первой главѣ (стр. 80—329) доказывается существованіе выборнаго начала въ Церкви при Апостолахъ и въ періодъ мужей Апостольскихъ, затѣмъ во 2 и 3 вѣкахъ и въ эпоху соборовъ. Но мало-по-малу выборное начало въ примѣненіи къ духовенству древне-восточной Церкви потеряло силу. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что были двѣ главныя причины ослабленія, а потомъ исчезновенія выборности: а), измѣненіе взгляда на значеніе епископства и клира въ Церкви; слѣды этого измѣненія можно находить даже въ писаніяхъ Кипріяна, и б), злоупотребле-

нія народа при выборахъ. Далѣе, прекращенію выборности, по его мнѣнію, содѣйствовало, также, развитіе императорскаго абсолютизма. Во второй главѣ (стр. 329—443) утверждается, что поставленіе епископовъ и клира на Руси послѣ того, какъ она пріобрѣла церковную самостоятельность, имѣло характеръ выборно-общественный, но потомъ, по мѣрѣ усиленія государственнаго начала, выборность духовныхъ лицъ начала замѣняться назначеніемъ. Къ первой главѣ присоединены данныя о поставленіи духовныхъ лицъ въ католичество и протестанствѣ, а ко второй главѣ данныя о выборномъ началѣ въ югозападной русской Церкви и въ Церкви Россійской при императорахъ.

Матеріаль для рѣшенія избраннаго вопроса г. Перехвальскимъ собранъ очень значительный, и въ этомъ положительное достоинство его сочиненія. Но нельзя не признать, что къ обслѣдованію собраннаго матеріала и проясненію значенія выборнаго начала въ духовенствѣ древне-восточной и русской Церкви не приложено надлежащей тщательности. Сужденія автора, вообще, правильны, но не обоснованы твердо. Данныя для рѣшенія вопроса черпаются изъ вторыхъ рукъ. Многословіе и повтореніе очень не рѣдки. Особенно мало обработана вторая глава сочиненія, въ которой видимъ одни наброски мыслей безъ обстоятельнаго разсмотрѣнія и раскрытія. Цѣнность сочиненія много понижается указанными недостатками. Но для полученія авторомъ степени кандидата богословія сочиненіе вполне достаточно“.

22) И. д. доцента И. М. Громогласова о сочиненіи студента *Пятницкаго Нила* на тему: „Расколоучитель попь Лазарь и его челобитныя“:

„Личность и дѣятельность одного изъ первыхъ расколоучителей, имя котораго стоитъ въ заглавіи рассматриваемаго сочиненія, доселѣ еще не были предметомъ спеціальнаго изслѣдованія въ литературѣ о русскомъ расколѣ, если не считать небольшой брошюрки г. В. Дмитревскаго, представляющей извлеченіе изъ Яросл. Губ. Вѣдом. за 1888 г., да краткихъ бібліографическихъ замѣчаній о „челобитныхъ“ Лазаря въ предисловіи къ IV тому „Матеріаловъ для исторіи раскола за первое время его существованія“. Не особенно много вниманія удѣляется этому расколоводу и въ существующихъ монографіяхъ по начальной исторіи раскола,

хотя въ ней романово борисоглѣбскій попъ долженъ быть признанъ фигурой если не первой, то все же и не очень мелкой величины. Объясненіе того, почему эта личность сравнительно мало занимала собою нашихъ изслѣдователей, заключается главнымъ образомъ, нужно думать, въ относительной скудости источниковъ, оставляющихъ значительные пробѣлы въ біографіи названнаго „столпа“ старообрядческаго раскола, одного изъ первыхъ его апологетовъ и мучениковъ.

Съ этою скудостью біографическихъ матеріаловъ приходилось считаться г. Пятницкому при составленіи первой части своего изслѣдованія (стр. 16—119), посвященной обзорнѣю фактовъ личной жизни и общественной дѣятельности попа Лазаря. Здѣсь нерѣдко индивидуальныя черты замѣняются общими характеристиками времени и данной общественной среды, а вмѣсто точныхъ фактовъ выступаютъ болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія, что, однако, и неизбѣжно по вышеуказанной причинѣ. Автору можно поставить въ упрекъ лишь то, что онъ не всегда достаточно полно и внимательно использовалъ въ указанномъ смыслѣ имѣвшіяся у него данныя.

Вторая часть сочиненія (стр. 121—221) содержитъ обзоръ „челобитныхъ“ Лазаря со стороны ихъ литературной формы и содержанія. Въ примѣненіи къ ней только-что высказанный упрекъ можетъ быть повторенъ въ усиленной формѣ съ гораздо большимъ основаніемъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ приходилось уже имѣть дѣло съ матеріаломъ, вполне доступнымъ серьезному научному анализу. Здѣсь много частностей, свидѣтельствующихъ о серьезной вдумчивости изслѣдователя; но нѣкоторые неизбѣжныя при подобнаго рода работахъ вопросы остались почти не затронутыми, а цѣлому не достаетъ стройности и отчетливости въ той мѣрѣ, въ какой бы желательно. При всемъ томъ сочиненіе является вполне достаточнымъ показателемъ подготовленности автора къ плодотворной учено-литературной работѣ при болѣе благоприятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ и не возбуждаетъ никакого сомнѣнія въ правѣ г. Пятницкаго на получение искомой степени“.

23) Заслуженнаго ординарнаго профессора Н. А. Заозерскаго о сочиненіи студента *Рождественскаго Николая* на тему: „Проекты церковно-судебной реформы прошлаго вѣка“:

„Сочиненіе состоитъ изъ введенія и двухъ частей. Во введеніи авторъ подробно рассматриваетъ вопросъ о причинахъ, вызвавшихъ въ прошломъ вѣкѣ стремленіе къ церковно-судебнымъ реформамъ. Онъ опровергаетъ взглядъ, высказанный впоследствии официально, что такое стремленіе было слѣдствіемъ увлеченія реформаціоннымъ духомъ времени, и доказываетъ, что церковно-судебная реформа была вызвана жизненными потребностями, неудовлетворенными и въ настоящее время, отсюда—современный интересъ темы. Свою задачу авторъ ставитъ: „обнять всю дѣятельность церковно-судебной реформы, обозрѣть формы и организацію церковнаго суда, сложившіяся на почвѣ примѣненія началъ судебныхъ уставовъ (1864 г.) съ тѣмъ, чтобы выяснитъ имѣются ли каноническія препятствія для организаціи церковнаго суда на этихъ началахъ и опредѣлитъ, какъ возможна церковно-судебная реформа, т. е. какія начала и формы должны быть приняты для организаціи церковнаго суда“ (37—38).

Соотвѣтственно этой задачѣ авторъ дѣлитъ трудъ свой на двѣ части: въ первой изображаетъ проекты церковнаго судостроительства и судопроизводства, выработанные въ 60—70 г.г., во второй подвергаетъ критическому разбору эти проекты и основанія, высказанныя ихъ авторами въ защиту своихъ проектовъ.

Обѣ части авторомъ выполнены одинаково удовлетворительно, хотя во второй нѣкоторыя части изложены только въ видѣ программы безъ представленія подробныхъ обоснованій. Авторъ съ надлежащимъ усердіемъ изучилъ довольно обширную полемическую литературу, образовавшуюся по поводу изданныхъ комитетомъ проектовъ, съ должнымъ вниманіемъ и объективно отнесся къ защитникамъ различныхъ до противоположности теорій церковнаго судопроизводства, мѣтко указалъ сильныя и слабыя ихъ стороны и выступилъ въ своемъ сочиненіи основательнымъ и горячимъ защитникомъ возможности примѣненія къ церковному судостроительству и судопроизводству всѣхъ основныхъ началъ судебныхъ уставовъ 1864 г.

Единственнымъ недостаткомъ сочиненія служить недостаточная обработка внѣшняго изложенія: видно, что автору не достало времени позаботиться о тщательной отдѣлкѣ его. Принимая во вниманіе сложность и трудность задачи, взя-

той авторомъ, и удовлетворительное ея разрѣшеніе, признаю рассматриваемое сочиненіе весьма удовлетворительнымъ и его автора вполне заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

24) И. д. доцента И. М. Громогласова о сочиненіи студента *Словинскаго Ивана* на тему: „Штундизмъ; его сущность и причины его широкаго распространенія“:

„Авторъ рассматриваемаго сочиненія видитъ въ штундизмѣ не только—религіозную секту, но и социальное - политическое движеніе, захватившее широкія массы русскаго простонародья. Соотвѣтственно этому, выясняя его сущность въ двухъ главахъ, слѣдующихъ за краткимъ „введеніемъ“ (стр. 3—6), онъ излагаетъ, въ сжатомъ очеркѣ, не только „вѣроученіе“ секты „съ отрицательной и положительной стороны“ (гл. I, стр. 6—59), но также и „социально-политическія воззрѣнія штундистовъ, ихъ нравоученіе, общественное устройство, семейную жизнь“ (гл. II, стр. 60—121), удѣляя всему этому больше вниманія, чѣмъ подробностямъ чисто-религіозной доктрины. Глава III (стр. 122—169) устанавливаетъ взглядъ на штундизмъ, какъ явленіе, не поддающееся объясненію одними внѣшними заимствованіями, и отмѣчаетъ черты нѣкотораго сходства и существеннаго отличія его отъ нѣмецкаго баптизма. Наконецъ, въ IV главѣ (стр. 170—284) указываются причины возникновенія и широкаго распространенія штундизма, заключавшіяся, прежде всего, въ социально - экономическихъ условіяхъ жизни южно - русскаго крестьянства 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія и затѣмъ—въ цѣломъ рядѣ доселѣ нормально не удовлетворяемыхъ умственныхъ и религіозныхъ запросовъ „народа“, разбѣдиненнаго съ духовенствомъ и интеллигенціей.

Какъ въ общей точкѣ зрѣнія на предметъ своего изслѣдованія, такъ и въ частностяхъ послѣдняго авторъ обнаружилъ хорошее знаніе того, чему посвятилъ свою работу, широкую освѣдомленность въ литературѣ вопроса и достойную всякой похвалы осторожность сужденій и выводовъ. Это качество пріобрѣтаетъ особенную цѣнность въ виду того, что нерѣдко молодой изслѣдователь идетъ вполне самостоятельнымъ путемъ, не слѣдуя примѣру своихъ предшественниковъ. Разумѣется, не во всѣхъ частяхъ работа равномерна по своимъ внутреннимъ качествамъ; но этого и нельзя тре-

бовать отъ сочиненія, написаннаго въ опредѣленный короткий срокъ. Поэтому же самому было бы несправедливо поставить въ большую вину составителю нѣкоторые формальные недостатки его труда. И при наличности ихъ сочиненіе г. Словинскаго можетъ быть признано очень хорошей кандидатской диссертацией“.

25) Ординарнаго профессора М. М. Тарѣва о сочиненіи студента *Смирнова Николая* на тему: „Христіанство въ отношеніи къ социальнымъ вопросамъ“:

„Данную тему можно разрабатывать двумя путями. Или можно разсматривать отношеніе христіанства къ разнымъ сторонамъ социальной жизни—къ семьѣ, браку, государству, къ войнѣ, искусству, воспитанію и пр. По такому методу, напр., составлена недавно вышедшая книга Bruce'a *Social aspects of christian morality*. Или же можно изслѣдовать отношеніе христіанства къ социальному вопросу въ его сущности, которую въ новѣйшей литературѣ опредѣляютъ такъ: „сущность социального вопроса составляютъ формы и условія человѣческаго сожительства и человѣческаго сотрудничества“ (Штейнъ. Социальный вопросъ съ философской точки зрѣнія). Рецензируемое сочиненіе написано по такому именно плану. Работа естественно распадается на двѣ части. „Въ первой данъ очеркъ того пути, какимъ социальный вопросъ въ своемъ постепенномъ развитіи принялъ специфическую форму современнаго рабочаго вопроса, активно настроенная человѣческая мысль, намѣчая пути и средства борьбы съ социальными нестроеніями, пришла къ социализму“. Здѣсь обозрѣвается зарожденіе социального вопроса на первыхъ ступеняхъ культуры, затѣмъ—государство Платона, социальное законодательство евреевъ, коммунизмъ ессеевъ, первохристіанскій коммунизмъ, Утопія Томаса Мора, другіе представители утопическаго социализма, научный социализмъ (Маркса—Энгельса) и, наконецъ, современное состояніе социального вопроса. Какъ уже показываетъ этотъ перечень предметовъ, автору предлежалъ обширный матеріалъ, требовавшій отъ него и достаточной широты горизонта, и усидчивости, и умѣнья схватывать важное, оставляя въ сторонѣ детали. Авторъ стоитъ на высотѣ современной социальной науки и обнаруживаетъ незаурядную работоспособность. Сочиненію въ этой части недостаетъ лишь ближайшаго зна-

комства съ первоисточниками, но этотъ недостатокъ легко извинить въ виду краткосрочности работы въ истекшемъ неполномъ академическомъ году.—Во второй части работы „намѣчаются тѣ основныя позиціи, какія можетъ занять христіанинъ, оставаясь на почвѣ чистаго евангелія, какъ вообще по отношенію къ соціальной проблемѣ, такъ и въ частности по отношенію къ социализму“. При рѣшеніи этого труднаго богословскаго вопроса авторъ сумѣлъ благополучно пройти между двумя крайностями, которыми страдаетъ обычно наша богословская литература, склоняющаяся или къ фельетонно-проповѣдническому призыву, сводя религію къ политической программѣ, или же къ аскетическому отъединенію отъ соціальной жизни. Авторъ, не упуская изъ вниманія евангельской возвышенности христіанской религіи, субъективной абсолютности христіанскаго настроенія, указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ твердыя основы для соприкосновенія христіанскаго духа съ соціальной условностью, исходя изъ богословской идеи кенозиса.

Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ“.

26) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. О. Ключевскаго о сочиненіи студента *Соколова Андрея* на тему: „Русское православное духовенство въ царствованіе императрицы Екатерины II“:

„Тема, предложенная автору, давала возможность изобразить бытъ и духъ сословія и положеніе, имъ занятое въ общей жизни страны. Вмѣсто того авторъ даетъ рядъ эпизодическихъ изображеній, написанныхъ неровно и отрывочно, хотя иногда довольно обдуманно; они касаются и секуляризаціи недвижимыхъ имуществъ Русской церкви, взаимоотношенія чернаго и бѣлаго духовенства, матеріальнаго обезпеченія и образованія того и другого. Въ описаніи секуляризаціи авторъ особенно часто забываетъ, что пишетъ не на тему объ отношеніи императрицы Екатерины II къ православному духовенству или объ ея политикѣ въ церковныхъ вопросахъ, а о цѣломъ, вѣками слагавшемся классѣ общества, разсматриваемомъ на одной изъ стадій его развитія. Но и въ своихъ эпизодическихъ наброскахъ авторъ не всегда удачно пользуется своимъ матеріаломъ. Такъ на стр. 72 онъ объясняетъ политику императрицы Екатерины II ея „западно-философскимъ взглядомъ на жизнь“, а на стр. 75—76 уже

подчеркиваетъ, что она прикрывала философскими идеями только свой произволь, мало того,—ставить ей это даже въ честь. Одно и то же письмо къ П. Панину служить автору и для того, чтобы показать, какъ Екатерина считала необходимымъ „воспитаніе и обученіе“ тогдашняго невѣжественнаго духовенства, и для того, чтобы раскрыть досаду и раздраженіе императрицы, которыя порождались въ ней при мысли о расходахъ на образованіе духовенства“ (стр. 106 и 270). Авторъ не совсѣмъ исправно обозначаетъ и цитаты, которыя иногда трудно понять (смотри напр., стр. 84 и 50). Ни перечня сочиненій и изданій, служившихъ автору для труда, ни цитатъ во многихъ мѣстахъ, гдѣ по характеру сообщаемыхъ указаній онѣ желательны, въ сочиненіи не находимъ. Только трудность темы и скудость имѣвшагося подъ руками автора матеріала могутъ служить объясненіемъ указанныхъ недостатковъ сочиненія. Въ концѣ труда авторъ и самъ сознается въ его незаконченности и необработанности, что помѣшало ему, по его словамъ, подвести какой-либо общій итогъ, сдѣлать резюме сказанному. Впрочемъ сочиненіе можно признать удовлетворительнымъ“.

27) Ординарнаго профессора А. И. Введенскаго о сочиненіи студента *Соколова Виктора* на тему: „*Исповѣдь* бл. Августина и *Исповѣдь* Руссо, какъ памятники перехода свѣтскаго (языческаго) міросозерцанія Западной Европы въ религиозное и — наоборотъ, религиознаго въ свѣтское (язычествующее)“:

„Авторъ достаточно ознакомился съ литературою вопроса (довольно подробный перечень пособій данъ имъ въ концѣ сочиненія); но, по обстоятельствамъ времени, не использовалъ ее, какъ должно, въ цѣляхъ раскрытія своей темы. Имъ изучены лишь основные источники, т. е. сочиненія бл. Августина и Руссо.—Результатъ своей работы онъ изложилъ въ заголовкахъ—тезисахъ, которыми надписаны главы сочиненій, и уже одно обозрѣніе этой программной схемы показываетъ, что ему удалось довольно стройно систематизировать обобщенія и выводы, полученные на основаніи изученія матеріала.

Схема эта такова:

„Постепенное обращеніе бл. Августина въ христіанство, какъ выраженіе общаго переходнаго процесса.

„Религіозный характер *Исповѣди* бл. Августина, какъ выраженіе его міросозерцанія.

„Міросозерцаніе Западной Европы въ средніе вѣка, какъ воплощеніе возрѣвнїи бл. Августина.

„Начало перехода міросозерцанія Западной Европы изъ религіознаго въ свѣтское въ эпоху Возрожденія и окончательное завершеніе его въ вѣкъ франц. „Просвѣщенія“ XVIII в.

„*Исповѣдь* Руссо, какъ отраженіе „свѣтскаго“ міросозерцанія Западной Европы“.

Главный недостатокъ сочиненія заключается въ томъ, что, давъ довольно обстоятельную *аналитику* возрѣвнїи бл. Августина и Руссо, авторъ, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ,—что, однако, входило въ область его темы,—изъ сопоставленія этихъ двухъ мыслителей, именами которыхъ отмѣчены двѣ важнѣйшія эпохи въ исторіи христіанскаго человѣчества, никакихъ выводовъ, съ философско-апологетической точки зрѣнія, никакой, такъ сказать, *прогностики* относительно того, какъ пользоваться твореніями этихъ мужей въ цѣляхъ внутренней, научно-литературной и изустно-живой, миссіи.

Не можемъ, однако, въ виду обстоятельствъ, среди которыхъ протекалъ прошлый учебный годъ, ставить автору это ограниченіе программы въ вину и, на основаніи проявленной въ сочиненіи способности къ умственному труду, при научно-правильныхъ приѣмахъ, признаемъ автора достойнымъ степени кандидата богословія“.

28) Экстраординарнаго профессора А. А. Спасскаго о сочиненіи студента *Соколова Петра* на тему: „Агапы или вечери любви въ древне-христіанскомъ мірѣ“:

„Аккуратность сочиненія г. Соколова производитъ пріятное впечатлѣніе. Авторъ сдѣлалъ именно то, что и требовалось отъ него: ничего лишняго, и ничего недостающаго въ его работѣ нѣтъ. Сложный и запутанный вопросъ объ агапахъ онъ разбилъ на отдѣльныя части, изложилъ по каждому пункту существующія въ ученой литературѣ мнѣнія, что слѣдовало, опровергъ,—чѣмъ нужно, воспользовался. Ничего оригинальнаго въ смыслѣ какихъ либо широкихъ полетовъ у него не наблюдается ни въ области мысли, ни въ сферѣ стила. Онъ пишетъ хорошимъ литературнымъ языкомъ и мыслить логически. Онъ хочетъ пред-

ложить читателю лишь очеркъ современнаго состоянія вопроса объ агапахъ, не вдаваясь ни въ какія рискованныя теории и предположенія, и заканчиваетъ свое сочиненіе многозначительнымъ изреченіемъ: „а можетъ быть и такъ“. Здѣсь все аккуратно, чисто и опрятно, какъ въ уютной комнатѣ, чуждой всякой бьющей въ глаза роскоши. Собственно говоря, это типъ нормальной магистерской диссертациі, и по нашему мнѣнію не только заслуживаетъ степени кандидата богословія, но и безъ всякихъ перемѣнъ можетъ быть представлено на соисканіе степени магистра богословія“.

29) Экстраординарнаго профессора П. В. Тихомирова о сочиненіи студента *Суслова Алексѣя* на тему: „Культъ произвола и практической солипсизмъ (историческое и критическое обсужденіе воззрѣній Макса Штирнера)“:

„Сочиненіе г. Суслова состоитъ изъ четырехъ неравныхъ по объему главъ:

гл. 1. Максъ Штирнеръ (краткій біографическій очеркъ) (стр. 1—23);

гл. 2. Міровоззрѣніе Макса Штирнера (стр. 23—185);

а) Отрицательныя воззрѣнія М. Штирнера (стр. 27—116);

б) Положительныя воззрѣнія М. Штирнера (стр. 116—185);

гл. 3. Міровоззрѣніе Макса Штирнера съ исторической точки зрѣнія (стр. 185—220);

гл. 4. Критическій разборъ воззрѣній Макса Штирнера (стр. 220—243).

Въ интересахъ пропорціональности частей сочиненія (по количеству обсуждаемаго матеріала), 2-ую главу слѣдовало бы раздѣлить, по меньшей мѣрѣ, на двѣ самостоятельныхъ главы; но, какъ видно, логическая схема изслѣдованія возымѣла у него перевѣсъ надъ соображеніями архитектуроническими. Кругъ вопросовъ, намѣченныхъ авторомъ для своего изслѣдованія, свидѣтельствуешь, съ одной стороны, о полномъ пониманіи принципиальной важности и значенія взятаго вопроса и, съ другой, о столь же полной ориентированности относительно мѣста, занимаемаго Штирнеромъ въ ряду представителей новѣйшей философской мысли. То и другое было возможно только при условіи, что авторъ является полнымъ хозяиномъ какъ въ сферѣ подлежащихъ его изученію первоисточниковъ (сочиненія Штирнера), такъ и въ области относящейся сюда историко-критической литературы

и идейныхъ antecedентовъ. И это, въ особенности—первое, должно быть безусловно признано за авторомъ и поставлено ему въ заслугу. Какъ главное сочиненіе Штирнера: „Der Einzige und sein Eigenthum“, такъ равно и другія его, сравнительно менѣе важныя, работы тщательно изучены авторомъ и использованы въ своемъ изслѣдованіи въ высшей степени умѣло. Изъ литературы онъ болѣе всего пользуется книгой Крейбига объ этическомъ скептицизмѣ (Kreibig, Geschichte und Kritik des ethischen Skepticismus) и, затѣмъ, сочиненіемъ Фейербаха: „Das Wesen des Christenthums“. Что касается идейныхъ antecedентовъ, то, признавая, какъ сказано, за авторомъ полную въ нихъ освѣдомленность, я не могу однако же не отмѣтить, что большинство фактическихъ данныхъ онъ въ этомъ случаѣ беретъ изъ вторыхъ рукъ,—чаще всего изъ Крейбига. Послѣднее обстоятельство я указываю автору на случай возможной и весьма желательной переработки имъ своего сочиненія на ученую магистерскую степень.

Кромѣ указаннаго главнаго достоинства работы г. Суслова (тщательное и полное изученіе своего предмета), считаю долгомъ отмѣтить также формальныя и виѣшнія достоинства его сочиненія—это 1) мастерство анализа возрѣвнѣй Штирнера, способность войти въ духъ изучаемыхъ идей, такъ что предъ читателемъ эти идеи выступаютъ съ своихъ лучшихъ, наиболѣе импонирующихъ и убѣдительныхъ сторонъ (и это при отрицательномъ, въ общемъ, отношеніи къ основной точкѣ зрѣнія изучаемаго автора), 2) прекрасный языкъ,—простой и легкій, но вмѣстѣ съ тѣмъ безукоризненно точный и по мѣстамъ прямо изящный, 3) наконецъ, въ критикѣ полную объективность тона, отсутствіе полемическаго задора, принципиальность и немелочность возраженій.

Степени кандидата богословія г. Сусловъ вполне заслуживаетъ. Рекомендую ему заняться обработкой своего сочиненія на степень магистра“.

30) И. д. доцента Е. А. Воронцова о сочиненіи студента *Тирича Ивана* на тему: „Книга Притчей Соломона, какъ памятникъ древне-еврейскаго языка и священной письменности“:

„Г. Тиричъ ставитъ задачей своего труда критическій обзоръ книги Притчей Соломона съ литературно-исторической

и лингвистической стороны. Свое изслѣдованіе онъ ведетъ по тексту Бэра, лучшему изъ имѣющихся въ Академической бібліотекѣ. Содержаніе сочиненія по схемѣ самого автора представляется въ слѣдующихъ двухъ подраздѣленіяхъ: 1) Литературно-историческая сторона памятника: здѣсь сначала изучается текстуальная сторона книги Притчей (масора, древніе переводы), потомъ авторъ удѣляетъ вниманіе литературной формѣ памятника, его составу (композиціи) и содержанію, и на основаніи совокупности изученнаго матеріала рѣшаетъ вопросъ о происхожденіи памятника. 2) Филологическая сторона памятника: здѣсь сначала изучается памятникъ въ лексическомъ отношеніи, потомъ въ грамматическомъ: морфологическомъ и синтаксическомъ отношеніи, и наконецъ анализируется стилистико-поэтическая сторона памятника—его тропы и метръ.

Какъ видно изъ перечня рубрикъ въ сочиненіи г. Тирича, оно охватываетъ совокупность вопросовъ, подлежащихъ его рѣшенію, по характеру его темы, и рецензентъ долженъ признать всѣ выводы автора вполне основательными. Главной заслугой г. Тирича является относительная самостоятельность его изслѣдованія: онъ не убоился самостоятельныхъ экскурсовъ въ грамматико-стилистическую область изучаемой имъ Библейской книги и при этомъ выказалъ выдающееся для студента знаніе еврейскаго языка. Г. Тиричь приступилъ къ своей работѣ не съ одной надеждою на *rops asipinus* въ западныхъ комментаріяхъ, но и достаточно вооружившись самъ изъ того арсенала, откуда берутъ свое превосходное снаряженіе западные гебраисты. Для дальнѣйшихъ работъ можно только пожелать ученому автору, чтобы онъ изучилъ и историческія формации еврейскаго языка, его стратификацію, что доселѣ представляетъ Ахиллесову пятую библейской лингвистики. Свой текстуально-критическій обзоръ книги Притчей авторъ ведетъ путемъ анализа масоры вавилонской и палестинской и путемъ сличенія масоретскаго текста съ переводомъ LXX. Замѣчаемая въ греческомъ переводѣ отступленія классифицированы въ рубрики и объяснены изъ свойства писанія древнихъ рукописей (безъ раздѣленія на слова, у евреевъ безъ вокализациі). Относительно значенія аббревиатуръ въ еврейскомъ текстѣ рецензентъ считаетъ мнѣніе г. Тирича—преувеличеніемъ; важнѣе мнѣніа

турный характер письма гевильныхъ и келафныхъ манускриптовъ, какъ показываетъ новѣйшее изслѣдованіе гебраиста Блау. Интерполированныя мѣста въ греческомъ текстѣ сравнительно съ оригиналомъ авторъ считаетъ несущественными вариантами основного текста, заимствованіями изъ другихъ мѣстъ той же книги или продуктами „*exegesis*“ а. Съ формальной стороны авторъ называетъ рѣчь книги Притчей афористическою, что соотвѣтствуетъ духу древне-еврейскаго языка, предпочитавшаго *assyndeton* и въ поискахъ брахилогіи допускавшаго синтаксическіе анаколуы. Составъ книги Притчей авторъ считаетъ дихотомическимъ, при этомъ онъ указываетъ особья прибавленія къ каждой изъ 2 частей книги. Хронологію гномическихъ элементовъ книги авторъ опредѣляетъ, давая превосходный синтезъ выводовъ науки и матеріала традиціи.

Во второй наиболѣе интересной части своего изслѣдованія г. Тиричъ изучаетъ детально лексиконъ книги Притчей въ его *אלף לעומתה*, приводя ихъ въ алфавитномъ порядкѣ. Рецензентъ долженъ сдѣлать 2 поправки къ лексикографическимъ изслѣдованіямъ автора: 1) *seamith* неправильно переведено авторомъ словомъ паукъ, нужно ящерица—*stellio*, 2) имена отвлеченныя на „*uth*“ и „*on*“ не могутъ служить для установленія даты памятника, встрѣчаясь спорадически и въ архаическихъ отдѣлахъ Библии. Относительно происхожденія этихъ *אלף לעומתה* рецензентъ полагаетъ, что *אלף ווומתה* книги влекли съ неизбѣжностью и *אלף לעומתה*, здѣсь одно изъ проявленій литературной идіосинкразіи. Языкъ книги Притчей по автору смѣсь поэтическихъ и прозаическихъ формъ и выраженій—это языкъ высокой древне-еврейской (риторической) прозы.

Изъ наблюденій автора въ области индивидуальной орѳографіи памятника укажемъ на пропускъ маккефа безъ вліянія на вокализацию, (сохраненіе короткой гласной), на употребленіе алефъ, какъ *mater lectionis* (*fulcrum*) при камецъ, на употребленіе дагеша въ решъ, чаще всего въ типѣ *dages forte conjunctivum*. Изъ грамматическихъ особенностей языка книги Притчей примѣчательно вставочное нунъ (*nun epentheticum*) при *status conjunctus* имени и мѣстоименнаго суффикса, особенный типъ соединенія имени во множ. числѣ женскаго рода съ мѣстоименнымъ суффиксомъ, неизмѣняе-

мость вокализации управляемого слова въ нѣкоторыхъ случаяхъ семикуть. Наибольшее вниманіе ученый авторъ удѣляетъ глагольнымъ формамъ, которыя изслѣдуетъ по смысламъ (биньянъ) и по классамъ глаголовъ. Рецензентъ считаетъ детальныя наблюденія г. Тирича высокоинтересными и характеризующими его какъ талантливаго филолога.

Изученіе стилистико-поэтической стороны памятника нѣсколько блѣднѣе анализа стороны грамматической; самъ авторъ объясняетъ это тѣмъ, что фигуральный языкъ книги Притчей имѣетъ мало индивидуальныхъ чертъ, сближаясь во всемъ съ библейско-поэтическимъ языкомъ въ широкомъ смыслѣ слова. Рецензентъ согласенъ, что библейскій поэтическій языкъ имѣетъ общій колоритъ, такъ что знаменитый гебраистъ Кёнигъ недавно нашелъ возможность написать общую стилистику, поэтику и риторику библейскаго языка, этому же пути слѣдовалъ и знаменитый Гердеръ. При изученіи памятника съ поэтической стороны г. Тиричъ говоритъ о параллелизмѣ членовъ, присоединяя къ 3-мъ общеизвѣстнымъ типамъ параллелизма еще четвертый—параллелизмъ параболическій—*parallelismus comparationis*. Въ области метра онъ останавливается на явленіи симметріи слоговъ и логическомъ строфізмѣ—*responsio* (у Вѣнскаго ученаго Мюллера есть о *responsio* специальное изслѣдованіе). Отрицая существованіе у древнихъ евреевъ рیمованныхъ стиховъ, авторъ признаетъ у нихъ только наличность ритма стиховъ; рецензентъ согласенъ, что съ римами нельзя отождествлять случайныхъ явленій параномазіи, представляющейся то въ видѣ анафоры—сходства началъ слова, то эпифоры—сходства окончаній.

Пособіями для автора служили общія изслѣдованія по библейской филологіи на нѣмецкомъ, англійскомъ и 2 на французскомъ языкахъ (Baumgartner и Schloegl), но несмотря на превосходное знаніе новыхъ языковъ, г. Тиричъ работалъ вполне самостоятельно надъ еврейскимъ текстомъ съ конкордаціею, словаремъ и грамматикой, давая иностраннымъ книгамъ подобающее значеніе пособій, а не основного матеріала, который только компилируется въ сочиненіи по авторской схемѣ. Степени кандидата богословія г. Тиричъ вполне заслуживаетъ“.

31) Ректора Академіи Епископа Евдокима о сочиненіи сту-

дента *Тихомирова Александра* на тему; „Проповѣди св. Іоанна Златоуста“:

„Схема труда автора такова:

Вмѣсто предисловія 1 стр.

Глава I-я—вступительная—9 стр.

Глава II-я: Жизнь, воспитаніе и образованіе Златоуста, какъ проповѣдника—25 стр.

Глава III-я: Общій обзоръ проповѣдей Златоуста въ хронологическомъ порядкѣ. Раздѣленіе ихъ и опредѣленіе ихъ типа—185 стр.

Глава IV-я: Общій духъ проповѣдей Златоуста—248 стр.

Глава V-я: Внутреннія достоинства и качества проповѣдей Златоуста—271 стр.

Глава VI-я: Стилъ и внѣшняя сторона въ проповѣдяхъ Златоуста—371 стр.

Глава VII-я: Нравственное ученіе Златоуста, какъ главное содержаніе его проповѣдей—595 стр.

а) Нравственная природа человѣка—601 стр.

б) Принципы морали Златоуста—626 стр.

в) Ученіе о добродѣтели и порокахъ въ связи съ вопросомъ о счастіи на землѣ—658 стр.

г) Элементы христіанскаго социализма въ проповѣдяхъ Златоуста (взглядъ на богатство и собственность)—770 стр.

д) Взглядъ Златоуста на театръ и зрѣлища—794 стр.

е) Взглядъ Златоуста на монашество—815.

Глава—VIII-я—заключительная—839.

Подъ вышеприведенными рубриками скрывается множество цѣннѣйшаго матеріала, взятаго авторомъ изъ твореній св. златоустаго Отца Церкви, которыя онъ изучалъ съ великимъ усердіемъ и вниманіемъ въ теченіе цѣлаго года. Если бы мы стали хотя только отчасти воспроизводить это огромное сочиненіе въ своемъ отзывѣ, то нашъ отзывъ превратился бы въ большой печатный трудъ. Не дерзая воспроизводить тщательно и искусно собранный авторомъ обширный гомилетическій матеріалъ, мы должны отмѣтить одну общую выдающуюся характерную черту сочиненія. Авторъ, на основаніи бесѣдъ златоустаго учителя, перестраиваетъ за-ново почти всю нашу современную гомилетику, построенную на шаткихъ устояхъ, отзывающую или схоластицизмомъ нашего далекаго прошлаго, или слишкомъ ужъ большой угодливостью духу